Наум-Сорокодум

Жил-был Наум-Сорокодум, по прозвищу Непригожа Ольховая Рожа. Богат он сроду не бывал, по чужим дворам скот загонял, на дворы скотские, то есть на господские. Приходит раз домой, говорит жене: «Давай щей!» Она принесла на стол, а Наум сердито говорит: «А почему, жена, во щах таракан?» А она ему: «Да ты, никак, пьян? Видишь: на потолке таракан над лучиной греется, а тебе он во щах виднеется!»

Не поверил Наум, вылил на землю щи, а они все в землю ушли, не осталось никакого изъяна, ни потолка, ни капусты, ни таракана, только сделалось мокро, как на бороде у лихого свекра, когда ему сварливая золовка испечет блин неловко.

Жена не дает Науму покоя: «Лодырь ты, разгильдяй, иди хлеб промышляй!»

Пошел наш Наум хлеба промышлять. Подошел к реке, видит — на песке опрокинутая лодка лежит. Поволок лодку к воде, а сам оглядывается, как бы за такую затею кто не наломал шею или хозяин челнока не наломал бы бока.

Переплыл Наум реку, углубился в лес, слышит — кто-то стучит топором. Подходит и видит: на дереве цыган сидит на суку, да тот же сук под собой и рубит. Да ведь так-то цыган сам себя погубит! И кричит ему: «Эй, цыган, ты себе шею сломаешь!» — «А ты, мой батенька, почему знаешь?»

Вышел Наум на дорогу, а цыган все стучит топором понемногу; рубил да рубил, сучок под цыганом обломился, и цыган с дерева свалился. Летел он с дерева быстро, так что из глаз посыпались искры, только от этого ничего в лесу не загорелось, а цыгана шея разболелась. «Батенька мой, — закричал Науму цыган, — ведь ты мне и правду предрек, значит, ты знахарь или пророк! А за это вашей чести я расскажу три хорошие вести. Первая весть: в лесу огород есть, и в нем не пусто, а насажена капуста». — «Она не интересует меня», — говорит Наум. «Вторая, батенька, хорошая весть: в лесу корчма есть, в корчме свет, а в ней никого нет. А у избы сатана привязан на веревке, ходит со сноровкой, грамоте знает, через окно в избе книгу читает. Книга в избе, а она кричит: «Бе!» — «Ну, цыган, велики у страха глаза, ведь то не сатана, а коза!» — «Третья, батенька, хорошая весть: в лесу поляна есть, кол стоит, на коле гусь сидит, во весь голос

гогочет, а лететь не хочет. Перед ним яма, в яме хозяин сидит, зубами щелкает, глазищами сверкает, рычит, а ничего ни с кем не говорит!» — «А знаешь, цыган, то ведь не хозяин, а волк. Итак, прощай, мил человек, мне домой пора!»

Пожелал цыган Науму всякого благополучия, повернулся на правом закаблучии и был таков.

И все-таки пошел Наум по первую весть; действительно, в лесу огород есть, и чтобы не тратить время пусто, набрал в мешок капусты. Пошел по вторую хорошую весть; верно, в лесу корчма есть, у корчмы на веревке коза приивязана, увидала его, заблеяла: «Бе!», а Наум взял ее себе. Пошел Наум по третью хорошую весть; верно, в лесу поляна есть, на поляне кол стоит, на коле гусь сидит, около кола яма вырыта, а в нее попал волк, вылезти не может. Тут наш Наум умудрился, нагнулся к яме волка, как стрелок в траншею, и кинул лямку волку на шею. А тут уж немного надо толка, чтобы вытащить из ямы волка!

Вот пошел наш Наум домой с добычей, которая выражалась в трех лицах: волк, коза да капуста; значит — не пропало у Наума время пусто. Подходит Наум к реке с добычей, да только беда, что лодка слишком мала, подымает она только двоих, а не всех четверых. Посадил волка в лодку, не успел отплыть, а коза кочерыжки лущит. «Нет, — думает Наум, — так не выйдет толку, дай я оставлю капусту волку».

Посадил козу, перевез, затащил в лозу; поехал, посадил волка, перевез на другой берег. Кажется, ладно было измерено, да неладно отрезано: коза, завидя смерть себе, заблеяла: «Бе!» — «Нет, — так, видно, дело не выйдет, увезу я волка обратно!»

Сказано — сделано.

Переехал, волка оставил, повез капусту, перевез, свалил, думал ехать по волка, оглянулся на них, а коза оцять кочерыжки лущит. «Нет, — думает, — так не выйдет толку, капусту повезу обратно волку!»

Переехал, свалил капусту, посадил волка, перевез и только хотел отплыть обратно, коза, завидя смерть себе, опять заблеяла: «Бе!»

Ошалел наш Наум, рассерчал, взял он волка за шиворот: «Экий ты, лесной невежа!» Не перевезешь тебя ни раньше, ни прежде!»

Уж он его бил, бил, да на всю реку и завыл. Вскоре на сей великий вой прибежал цыган, сам на свой. Тут взмолился Наум цыгану: «Хоть ты видишь меня в богачестве, да нахожусь-то я в дурном качестве!» А цыган ему: «Ох ты, мой милый, это не по моим силам!» И опять был таков.

Воет Наум опять на всю реку. Услыхала это Наумова баба, вышла на берег да и дала наставление, как без изъяну перевезти все имение.

Как перевез, нас не касается, а кто не глуп, пусть сам догадается.

(Зап. от М. В. Торопова, 1880 г. р., с. Черное Уренского р. Горьковской обл.)

Народная поэзия Горьковской области. Вып. 1. Сост. и ред. В. Потявин. Горький, 1960.